

за собой превращение Англии в союзницу Германии. Таким образом, хотя этот план и казался опасным (ибо он фактически обязывал нас принять участие на стороне той или другой державы в любой могущей возникнуть франко-германской войне), вероятность подобной катастрофы была очень невелика и во всяком случае это был самый хороший способ предотвратить ее. Было очевидно, что создавалась бы опасность, если бы Германия когда-нибудь более или менее догнала Францию по вооружениям и тем более если бы она стала сильнее Франции. Но все это как будто исключалось торжественными обязательствами договора.

Локарнский пакт касался лишь обеспечения мира на Западе, но была надежда, что продолжением его явится, по тогдашнему выражению, «восточное Локарно». Мы были бы очень рады, если бы оказалось возможным ограничить опасность возникновения когда-либо в будущем войны между Германией и Россией в соответствии с теми же принципами и с помощью тех же средств, что и возможность войны между Германией и Францией. Но даже штреземановская Германия не была склонна окончательно отказаться от своих притязаний на Востоке или согласиться с территориальными положениями мирного договора, касающимися Польши, Данцига, Польского коридора и Верхней Силезии. Хотя мы продолжали свои попытки, никакого прогресса на Востоке достигнуто не было. После заключения нашего Локарнского договора и эвакуации Рейнской области, осуществленной французской армией и контингентами союзных войск раньше срока, предписанного в Версале, установилось дружественное отношение к Германии. Новая Германия заняла свое место в Лиге Наций. Под плодотворным влиянием американских и английских займов восстановление Германии шло очень быстро. Ее торговля расширялась с невероятной быстротой, повышалось внутреннее благосостояние страны. Франция с ее системой союзов тоже, казалось, занимала в Европе надежные позиции. Статьи Версальского договора, касающиеся разоружения, не были открыто нарушены. Германского военно-морского флота не существовало. Германская авиация находилась под запретом и еще не родилась. В Германии имелись многочисленные круги, решительно отвергавшие, хотя бы только по соображениям благоразумия, идею войны, а германское верховное командование не могло и думать о том, что союзники позволят немцам перевооружиться.

1929 год почти до конца своего третьего квартала протекал под знаком надежд и видимости растущего процветания, особенно в Соединенных Штатах. Чрезвычайный оптимизм породил настоящую оргию спекуляций. Были написаны книги, в которых доказывалось, что наука

и становящийся все более организованным деловой мир справились наконец-то с таким явлением, как экономический кризис. «По-видимому, мы уже навсегда покончили с экономическими циклами, какими мы знали их прежде», — заявил в сентябре президент нью-йоркской биржи. А в октябре на Уолл-стрит обрушился внезапный жестокий ураган.

Все богатство, так быстро накопленное в предшествующие годы в виде бумажных ценностей, исчезло. Процветание миллионов американских семей, выросшее на гигантском фундаменте раздутого кредита, внезапно оказалось иллюзорным. Мощные промышленные предприятия оказались выбитыми из колеи и парализованными. За биржевым крахом, в период между 1929 и 1932 годами, последовало непрерывное падение цен и как следствие этого сокращение производства, вызвавшее широкую безработицу.

Последствия этого расстройтва экономической жизни затронули весь мир. В связи с безработицей и сокращением производства произошло свертывание торговли. С целью защиты внутренних рынков были введены тарифные ограничения ввоза. Всеобщий кризис повлек за собой острые денежные затруднения и парализовал внутренний кредит. А это в свою очередь привело к тому, что разорение и безработица широко распространились по всему миру. Последствием этого явились бедствия, обрушившиеся на Германию и другие европейские страны.

Глава 3

Подстерегающая опасность

В моей книге «Последствия» я суммировал некоторые впечатления тех четырех лет, что протекли между перемирием и сменой правительства в Англии в конце 1922 года. Эта книга писалась в 1928 году, когда я остро ощущал надвигающуюся катастрофу.

«Война начала вступать в свои права потенциального истребителя рода человеческого лишь на заре двадцатого столетия христианской эры. Объединение человечества в крупные государства и империи и пробуждение у народов коллективного самосознания позволили планировать и осуществлять кровопролитие в таких масштабах и с таким упорством, о которых раньше не имели даже представления. Все благороднейшие качества отдельных личностей были собраны воедино ради усиления разрушительной мощи массы. Надежные финансы, возможности,

предоставляемые всемирным кредитом и торговлей, накопление крупных резервов капитала — все это позволяло на длительные периоды переключать энергию целых народов на дело разрушения.

Демократические институты создали средства для выражения воли миллионов. Образование не только позволяло всякому разбираться в ходе конфликта, но и сделало каждую отдельную личность подготовленной к выполнению стоящей задачи. Печать явилась средством объединения и взаимного возбуждения. Религия, благоразумно не касаясь основных причин конфликта, беспристрастно предлагала всем воюющим сторонам свою поддержку и утешение во всех известных ей формах. Наконец, наука в ответ на неистовые домогательства людей раскрыла перед ними свои сокровища и тайны и вложила в их руки средства почти предельного совершенства.

В связи с этим появились многочисленные новшества. Вместо того чтобы брать измором укрепленные города, стали методически ослаблять или пытаться ослаблять с помощью голода целые государства.

Все население так или иначе принимало участие в войне, и все в равной мере стали объектом нападения. В небе открылись пути, по которым смерть и ужас могли обрушиваться далеко за линиями фронтов на женщин, детей, стариков и больных — на тех, кого в прежних войнах щадили по необходимости. Великолепная организация железных дорог, пароходного сообщения и автомобильного транспорта позволяла доставлять в нужные пункты и постоянно использовать в деле десятки миллионов людей. Медицинский уход и хирургия, достигшие блестящего развития, снова и снова возвращали людей в строй для участия в боине. Ничто не должно было пропадать зря. Последний вздох умирающего — и тот обращался на цели войны.

Война прекратилась столь же внезапно и повсеместно, как и началась. Человечество подняло голову, окинуло взором зрелище разрушения, и как победители, так и побежденные перевели дух. В сотнях лабораторий, в тысячах арсеналов, заводов и всевозможных бюро люди, резко затормозив, прекратили работу, которой были поглощены. Их проекты были отложены в сторону, не доведенные до конца, неосуществленные, но их знания сохранялись. Военные ведомства во всех странах поспешно собрали полученные ими данные, их вычисления и открытия в папки с надписью “для последующего рассмотрения”.

В этих-то условиях мы и вступили в тот период истощения, которому было присвоено наименование “мир”. Он дает нам по крайней мере возможность оценить общую обстановку. При этом вырисовывается ряд печальных фактов, таких же твердых и неотвратимых, как

горы, очертания которых проступают сквозь туман. Установлено, что отныне в войнах будут участвовать целые народы: все будут прилагать максимум усилий, все будут испытывать на себе ярость врага. Установлено, что народы, считающие, что на карту поставлено их существование, не остановятся перед применением любых средств ради своего спасения. Вполне вероятно, более того, несомненно, что среди орудий, которыми они будут располагать в следующей войне, окажутся средства и методы массового неограниченного разрушения, которые, будучи применены, могут выйти из-под контроля.

Человечество никогда ранее не находилось в подобном положении. Не достигнув заметных успехов в моральном совершенствовании и не обрета более мудрого руководства, оно впервые получило в руки орудия, могущие послужить ему вернейшим средством самоистребления. Таков тот конечный пункт в истории судеб человечества, которого люди достигли. Им следовало бы остановиться и поразмыслить над своей новой ответственностью. Смерть стояла навтыжку, послушная, выжидающая, готовая к услугам, готовая массами косить людей, готовая по первому знаку сокрушать — без надежды на восстановление — то, что уцелело от цивилизации. Она ждет только слова команды. Она ждет их от слабого, сбитого с толку существа — давней своей жертвы, а ныне, в этом единственном случае, — своего хозяина».

Все это было опубликовано 1 января 1929 года. Я не мог бы написать иначе и в день Нового года теперь, восемнадцать лет спустя.

Еще ранее, в 1925 году, я записал некоторые мысли и вопросы технического характера, о которых было бы неправильно не напомнить сегодня:

«Не существует ли несравненно более действенных способов использования энергии взрыва, нежели все те, что были открыты до сих пор? Нельзя ли создать бомбу величиной не более апельсина, которая обладала бы таинственной способностью разрушать сразу целые кварталы домов или даже сосредоточивала бы в себе разрушительную силу тысяч тонн пороха, так, чтобы одним ударом сметать целые селения? Нельзя ли бомбы, хотя бы и существующих типов, сбрасывать автоматически с самолетов, которые управлялись бы по радио или с помощью каких-либо лучей, без пилота, и которые могли бы бесконечной вереницей посылаться на бомбежку вражеского города, арсенала, лагеря или верфи?

Что же касается отравляющих газов и химической войны во всех ее формах, то пока что написана лишь первая глава этой ужасной книги. Нет сомнения, что каждое из этих новых средств разрушения изучается

по обе стороны Рейна со всей научной тщательностью и терпением, на которые только способен человек. И почему мы должны полагать, что эти средства ограничиваются областью неорганической химии? В лабораториях многих больших государств, без сомнения, разрабатываются способы методически вызывать эпидемии различных болезней и сознательно насыщать их на людей и животных. Ржа, губящая посевы, сибирская язва, уносящая людей и скот, чума, поражающая не только армии, но и целые районы, — вот над чем работает военная наука, безжалостно продвигаясь вперед».

Все это было написано почти четверть века назад.

Вполне естественно, что гордый народ, потерпевший поражение в войне, будет стремиться как можно скорее снова вооружиться.

Ввиду этого на победителей ложится ответственность за то, чтобы постоянно держать своего поверженного противника разоруженным. Для этого они должны проводить двоякую политику. Во-первых, оставаясь сами достаточно хорошо вооруженными, они должны с неустанной бдительностью и твердостью проводить в жизнь статьи мирного договора, запрещающие возрождение военной мощи своего недавнего противника. Во-вторых, они должны сделать все, что только возможно, чтобы примирить побежденный народ с его участью, помогая своими благожелательными действиями побежденной стране достигнуть максимального благоденствия, а также всеми средствами стремиться заложить фундамент подлинной дружбы и общности интересов, дабы все меньше оставалось побудительных мотивов вновь обращаться к силе оружия.

Создание армии, охватывающей все мужское население большой страны, — это задача гигантских масштабов. Победоносные союзники по предложению Ллойд Джорджа установили для германской армии предельную численность в сто тысяч человек и воспретили всеобщую воинскую повинность. Поэтому эта армия стала тем ядром, из которого предстояло при благоприятном случае вновь сформировать многомиллионную армию. Сто тысяч бойцов представляли собой сто тысяч командиров. Как только было бы принято решение о расширении армии, рядовые могли стать сержантами, а сержанты офицерами.

Никакая иностранная инспекция не могла в мирный период установить, каковы были качества тех ста тысяч человек, которые составляли разрешенную Германии армию. Но дело было не в этом. Только для охраны германских границ требовалось от трех до четырех миллионов обученных солдат. Для того чтобы создать национальную армию, которая